

«ДИАЛОГ» ПЕТРА АЛЬФОНСИ В СВЕТЕ ТЕОРИИ КАПИТАЛОВ ПЬЕРА БУРДЬЕ

Шумилова Юлия Александровна

Бакалавр истории

*Национальный Исследовательский Институт Высшая школа экономики
Санкт-Петербург, Россия*

"DIALOGUE" OF PETER ALFONCI IN THE LIGHT OF THE THEORY OF CAPITALS BY PIERA
BOURDIER

Shumilova Yulia Alexandrovna

Bachelor of History

*National Research Institute Higher School of Economics
Saint-Petersburg, Russia*

Аннотация. За последние 20 лет, с появлением «новой интеллектуальной истории», возрос интерес к изучению средневековых полемических сочинений. Однако существует очень мало исследований, в особенности в российской историографии, посвященных изучению «Диалога» Петра Альфонси. Именно поэтому основная задача настоящего исследования - анализ различных форм капитала, какими располагал Петр Альфонси и их отражение в «Диалоге» в соответствии с контекстом и целью его создания. Во-первых, посредством анализа немногочисленных фактов биографии Петра и пролога его сочинения выявляются основные социальные связи автора «Диалога», а также анализируется, влияние накопленного социального капитала (а именно авторские социальные связи) на его деятельность как полемиста и как политического деятеля на рубеже XI-XII вв. Во-вторых, через анализ «библиотеки» полемиста (знакомых ему книг и произведений арабских и латинских ученых) и его сочинений, автор исследует интеллектуальный капитал Петра Альфонси. Исследование показало, что судьба Петра Альфонси может служить хорошим примером функционирования социального и интеллектуального капиталов в начале XII века. Полемисту, решившему отказаться от своей прежней веры, удалось достичь определенных высот при дворе и в главном деле своей жизни - споре со своими бывшими единоверцами. Таким образом, он превратил эти виды капитала в капитал символический, самый важный для средневекового автора.

Abstract. During the last 20 years, with the appearance of the “new intellectual history”, the interest in the study of medieval polemical works has increased. However, very few researches, particularly in Russian historiography, have been dedicated to studying of Petrus Alfonsi's “Dialogue”. The aim of this study was therefore the analysis of the different forms of capital of Petrus Alfonsi in the Dialogue according to the context of its creation. Firstly, through the analysis of the few facts of Petrus’ biography and the prologue of his work, the main social relations of the author of the “Dialogue” are revealed, and also it is analyzed how the accumulated social capital (namely author’s social connections) influenced his activity both as a polemist and as a political figure at the turn of the XI-XII centuries. Secondly, through the analysis of polemist’s “library” (the books and works of Arab and Latin scholars he was familiar with) and his works, author examines the intellectual capital of Petrus Alfonsi. The study revealed that Petrus’ Alfonsi fate can serve as a good example of the operation of social and intellectual capitals at the beginning of the XII century. The author who decided to abandon his past faith, managed to reach certain heights at court and in the main business of his life - the dispute with his former co-religionists. Thus, he transformed these types of capital into symbolic capital, the most important for a medieval author.

Ключевые слова: Новая интеллектуальная история, антииудейская полемика, «Диалог» Петра Альфонси, формы капитала, средневековый автор, Средние века.

Keywords: New intellectual history, Anti-Jewish polemics, Petrus Alfonsi's “Dialogue”, the medieval author, forms of capital, Pierre Bourdieu, Medieval Ages.

«Диалог» Петра Альфонси и теория капиталов Пьера Бурдьё

«Ренессанс XII в.» значительно обогатил инструментарий европейских интеллектуалов, заново открывших для себя античное наследие. Не последнюю роль в передаче знаний сыграло соседство христианской Европы с Аль-Андалусом – мусульманской частью Испании, где сформировалась богатая ученая традиция¹.

¹ История Испании. Т. 1. С древнейших времен до конца XVIII века / отв. ред. В. А. Ведюшкин, Г. А. Попова. М., 2012.

Из Аль-Андалуса происходил бывший иудей Петр Альфонси. Петр был обратившимся в христианство испанским иудеем. После своего крещения он создал одно из самых влиятельных полемических сочинений против иудеев – «Диалог»². В своей работе Петр довольно скупо рассказывает о своей жизни, однако представляет систему знаний, полученных им до и после принятия крещения, которыми он пользуется в полемике против иудеев.

Основной предмет настоящей статьи – анализ феномена средневекового антииудейского полемиста Петра Альфонси. При ее создании мы основывались на теории капиталов Пьера Бурдьё. Мы попытаемся проследить социальные связи автора «Диалога» до и после его крещения, а также культурного капитала Петра и способы его применения и конвертации. Понятие социального капитала (как и других разновидностей капитала – например, интеллектуального), введенное Пьером Бурдьё в 1980 г.³, в последнее время широко используется в социальных науках. Вопрос о его применении в медиевистике – с учетом порой скудной биографической информации, которой мы порой обладаем об средневековых людях, не сопоставимой с массивом данных, которым оперируют социологи – пока остается дискуссионным, однако описание социальных и других связей средневековых авторов, и непосредственно Петра Альфонси, через призму данной теории представляется нам продуктивным. Так, актуальность изучения «Диалога» обуславливается недостаточной изученностью с точки зрения данной концепции. Отчасти данный вопрос рассматривался в работах Райана Шпеха⁴ и Вольфрама Древа⁵, однако в настоящем исследовании мы постараемся, отчасти основываясь на их наработках, расширить проблематику исследования и применить концепцию капиталов к «Диалогу» Петра Альфонси.

В связи с этим в настоящей статье мы постараемся разобраться, применима ли теория капиталов к полемическим сочинениям на примере такого текста, как «Диалог» Петра Альфонси.

Начало научных изысканий на тему полемической литературы относится ко второй половине XIX века. Этому способствовали, с одной стороны, эмансипация евреев, возникновение еврейского национального самосознания и, с другой, снятие некоторых табу в освещении иудео-христианских отношений. Во второй половине XIX в. появилось множество «всеобщих историй»: историки-позитивисты стремились реконструировать прошлое еврейского народа. Например, Хесус Амадор де лос Риос⁶ стремился в большей степени воссоздать реальную религиозную полемику (т.е. Парижский и Барселонский диспуты в 1240 и 1263 гг. соответственно), самими полемистами он практически не интересовался. Метод полемистов – вполне в духе позитивизма – рассматривался историками XIX в. как «во всем противоречащий научному»⁷.

Тень позитивизма еще долго довлела над изучением религиозной полемики в Средние века. Диалоги против иудеев рассматривались либо с точки зрения истории Церкви, либо как литературный жанр, относящийся соответственно к ведомству филологии, а не истории. Развитие исторической антропологии, лингвистический поворот 80-х гг. прошлого века способствовал тому, что фокус исследователей сместился с реконструкции *реальных* иудео-христианских отношений (как это было принято в позитивизме) или поиску неких социальных конструкций, стоящих за этими отношениями (которые изучала социальная история), к собственно представлениям об иудеях – материал, который и предоставляла антииудейская полемика. Эта тенденция отразилась и на «Диалоге» Петра Альфонси; возрождению интереса к нему способствовало и его первое критическое издание⁸. Исследование Клауса-Петера Мита породило новую волну интереса и не в последнюю очередь способствовало изменению в понимании самой полемики. Мария Лакарра Дюкай создала первую биографию полемиста в 1991 году⁹, дополненную серьезным обзором его наследия. В исследовании, опубликованном двумя годами позже¹⁰, Джон Толан анализирует около 170 рукописей, содержащих как работы Петра Альфонси, так и работы более поздних авторов. Автор воссоздает круг читателей полемиста и обращает внимание на то, какие части его произведений цитируются наиболее часто. Эти исследования обогатили традицию изучения текстов Петра Альфонси, заложив основу его изучения в рамках «новой интеллектуальной

² Petrus Alphonsi. Dialogi cum Moysi Judaeo // Patrologiae Cursus Completus. Series Latina. T. 157. / acc. J.-P. Migne. Parisiis, 1854. Col. 535–672.

³ Бурдьё П. Формы капитала // Экономическая социология. 2005. № 6. С. 60–74.

⁴ Szpiech R. Conversion and Narrative: Reading and Religious Authority in Medieval Polemic. Philadelphia, 2013.

⁵ Drews W. Intellektuelles Kapital und sein praktischer Nutzen bei Petrus Alfonsi // Petrus Alfonsi and His Dialogus: Background, Context, Reception / ed. by C. Cardelle de Hartmann, Ph. Roelli Firenze, 2014. P. 43–58.

⁶ Amador de los Ríos J. Historia social, política y religiosa de los Judíos de España y Portugal. 3 vols. Madrid, 1875–1876.

⁷ Loeb I. Controverse religieuse entre les chrétiens et les juifs au Moyen Age en France et en Espagne // Revue de l'histoire des religions. 1888. Vol. 18. P. 156.

⁸ Mieth K.-P. Der Dialog des Petrus Alfonsi: seine Überlieferung im Druck und in den Handschriften Textedition / Inaug. diss.: Freien Universität Berlin, 1981.

⁹ Lacarra Ducau M. J. Pedro Alfonso. Zaragoza, 1991.

¹⁰ Tolan J. V. Petrus Alphonsi and his Medieval Readers. Gainesville, 1993.

истории». Исследователи попытались восстановить контекст, в котором создавались его труды. Итоги их трудов обобщены в сборнике «Петр Альфонси и его «Диалог»¹¹. Особое внимание научному наследию Петра уделяется в статье Чарльза Бернетта¹².

Стремление видеть в полемической литературе не столько литературную фикцию, сколько отражение актуальных представлений об иноверцах – в тесной связи с социальной реальностью – воплотились в вышедшей в 1995 году книге Анны Абулафии¹³ об истории иудео-христианской полемики в период «долгого XII века». Исследователь рассматривает многовековую полемику в контексте изменений, произошедших в конце XI–XII вв. в жизни средневекового общества. Значительная часть работы посвящена социально-экономическим и культурным изменениям этого периода, однако прежде всего А. С. Абулафия освещает изменения иудео-христианской полемики. Ключевую роль, по мнению Абулафии, здесь сыграла рецепция античного наследия и переосмысление понятия разума и человека. Иудеи, лишённые разума, не могут считаться людьми, а потому теряют свой статус «живых букв закона» и подлежат исключению из гомогенизирующегося христианского общества. Особую роль в этом процессе, по мнению британской исследовательницы, сыграл Петр Альфонси. Осознание значимости этого автора повысило интерес к наследию Петра и его – довольно туманной – биографии. Здесь можно выделить две работы: одна из – блестящая реконструкция социально-политических реалий, современных Петру Альфонси, и его биографии, выполненная Франческо Санти¹⁴; вторая публикация посвящена обширной рукописной традиции «Диалога», ее авторами стала группа исследователей во главе с Кармен Карделье де Артман¹⁵. Впоследствии К. Карделье возглавила работу над новым критическим изданием «Диалога», вышедшем в 2018 году.

Осознание «Диалога» как самостоятельного феномена, интерес к его автору породили еще одно направление исследований – изучение его как образца *conversion narrative* (нарратива об обращении). Здесь важно отметить исследования Райана Шпеха¹⁶ и Вольфрама Дреуса¹⁷, в которых авторы затрагивают проблему описания обращений в источниках, написанных иудеями, христианами и мусульманами в Средние века, проводя сравнение того, как и почему обращение в другую религию было представлено в повествовательной форме в контексте религиозного диспута. В работе В. Дреуса также впервые звучит идея о применимости теории капиталов к «Диалогу», однако мы уверены, что наработки немецкого исследователя нуждаются в дополнении.

В российской историографии Петру Альфонси посвящено не так много исследований. В 2015 году О. С. Воскобойников перевел «Письмо перипатетикам Франции»¹⁸. Наследию Петра посвящены работы Л. В. Черниной¹⁹ и В. Г. Долгополова²⁰. Этим исследователей в первую очередь интересует полемическая культура и формирование раннего схоластического инструментария в рамках традиционной формы антииудейского диалога – безусловно, один из важнейших компонентов реконструкции жизни любого интеллектуала.

В нашей работе мы попытаемся учесть все эти тенденции. Методологически она основана на социологических исследованиях, посвященных формам капиталов. Это прежде всего работы Пьера Бурдьё²¹ и В. В. Радаева²² в которых они рассматривают понятие капитала в целом и классифицируют его разновидности. Мы считаем, что понимание феномена автора и текста неразрывно связано с той социальной реальностью, в

¹¹ Estudios sobre Pedro Alfonso de Huesca / coord. por M. J. Lacarra Ducay. Huesca, 1996.

¹² Burnett Ch. The Works of Petrus Alfonsi: Questions of Authenticity // *Medium Ævum*. 1997. Vol. 66. № 1. P. 42–79.

¹³ Abulafia A. S. Christians and Jews in the Twelfth-Century Renaissance. London, 1995.

¹⁴ Santi F. Pietro Alfonso E Anselmo di Canterbury // *Petrus Alfonsi and his Dialogus: Background, Context, Reception*. Firenze, 2014/ ed. by C. Cardelle de Hartmann, Ph. Roelli. Firenze, 2014. 13–41.

¹⁵ *Petrus Alfonsi and His Dialogus: Background, Context, Reception* / ed. by C. Cardelle de Hartmann, Ph. Roelli Firenze, 2014.

¹⁶ Szpiech R. Op.cit.

¹⁷ Drews W. Intellektuelles Kapital und sein praktischer Nutzen bei Petrus Alfonsi // *Petrus Alfonsi and His Dialogus: Background, Context, Reception* / ed. by C. Cardelle de Hartmann, Ph. Roelli. Firenze, 2014. P. 43–58.

¹⁸ Воскобойников О. С. Два голоса в пользу наук о небе в XII веке // *Многоликая софистика: нелегитимная аргументация в интеллектуальной культуре Европы Средних веков и раннего Нового времени* / отв. ред. П. В. Соколов. М., 2015. С. 453–472.

¹⁹ Чернина Л. В. Инструментарий ранней схоластики: пример Петра Альфонси // *Кентавр/Centaurus: studia classica et mediaevalia*. 2004. Вып. 1. С. 161–178.

²⁰ Долгополов В. Г. «Не ради спора, но ради наставления в католической вере». Формы и задачи полемики против иудеев на латинском Западе (XII–XV вв.) // *Vox medii aevi*. 2019. С. 57–61.

²¹ Бурдьё П. Ук. соч.

²² Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // *Экономическая социология*. 2002. Т. 3, № 4. С. 20–33.

которой он жил и работал. Наиболее адекватным отражением, по нашему мнению, станет изучение «Диалога» в русле теории капиталов.

Взгляд на полемику до Петра Альфонси, многие исследователи, в том числе Дж. Толан, называют «августинским» взглядом на иудаизм²³. Иудеев воспринимали как «живых букв закона», единственными свидетелями жизни Христа. Факт распятия Христа оправдывался слепотой и непониманием евреев. Исидор Севильский (560–636 гг.), главный энциклопедист, говорит, что иудеи «кровавы в своем нечестивом преследовании Христа и Пророков», но не обвиняет их в сознательном богоубийстве²⁴. Данное видение иудейского народа транслировалось сквозь века вплоть до переломного в полемике периода – рубежа XI–XII веков, когда иудеям начинают вменять вину за приговор Христа к распятию. Связана активизация полемики также и с эпохой начала крестовых походов, антиеврейскими погромами на Рейне (1096 – 1099 годов)²⁵. В новой волне активизирующейся полемики к обвинениям в том, что иудеи впали в ересь, так как трактуют Писание ложным образом, добавился вновь обострившийся вопрос о том, несут ли иудеи ответственность за распятие Христа или нет?

Первым из цитирующих Талмуд, что было совершенно не характерно для христианских авторов полемики того времени, был Агобард Линойский (769—840 гг.), который пишет Людовиду Благочестивому с просьбой выгнать иудеев. Те «supersticiones», которые приводит автор, – суеверия иудеев, исследователи идентифицировали как пересказанный Талмуд²⁶.

Одним из столпов средневековой мысли был Ансельм Кентерберийский (1033/1034–1109 гг.), чье учение и техника ведения спора – questions – стали основой зарождающейся на тот момент схоластики. Подобные споры выполняли задачи как учебные, так и «ставили перед собой цель обучить человека логической науке как таковой, которой пренебрегали раннесредневековые авторы»²⁷. Ученики Ансельма – Гилберт Криспин (ок. 1045 – 1117 гг.) и Руперт Доцийский (1075–1129 гг.), под влиянием идей своего учителя, применяли диалектические методы своего учителя в спорах с иноверцами²⁸.

С началом XII и появлением «Диалога» Петра Альфонси тон полемики кардинально меняется – Петр использует новый подход. Помимо обращения к классическим аргументам своих предшественников и библейских цитат, которые до него использовали многочисленные полемисты, он утверждает, что христианство более «созвучно» с логикой и наукой, прибегая к Талмуду, обвиняет иудеев в плотском и буквальном толковании Священного Писания²⁹. Например, Дж. Толан, обращаясь к тексту «Диалога», в особенности к первой главе сочинения, которая посвящена критике представлений иудеев об антропоморфизме Бога, приходит к выводу, что раббаниты³⁰ действительно верили в телесность Бога³¹.

В 1106 г. он принял крещение в Уэске, после написал антииудейский «Диалог» и оставил после себя ряд других сочинений: перевод зиджа (астрономических таблиц) Мухаммада аль-Хорезми, «Учительную книгу клирика» и «Письмо к перипатетикам». Петр, по его собственным словам, преподавал астрономию и, возможно, некоторые другие дисциплины в Англии и Франции.

Какую же ученость предлагал своим читателям Петр? Не исключено, что он родился и получил образование там же, где и принял крещение – в Сарагосской тайфе, к которой относилась Уэска. Здесь работало немало интеллектуалов, например, визирь сарагосских эмиров – Абу-ль-Фадль ибн Хасдай (ок. 1050 – после 1093), иудей, также принявший ислам по политическим соображениям. Если верить его биографу Ибн Саиду, программа обучения интеллектуала включала арабский язык, риторику, поэтику, логику, арифметику, геометрию, астрономию и науки о природе³².

Петр, учившийся в Аль-Андалусе, примерно также представлял себе свод дисциплин, достойных изучения. Он пытается реформировать устоявшуюся с античности систему тривиума и квадриума, отказывая в статусе

²³ Tolan J. V. *Petrus Alphonsi and His Medieval Readers*. Gainesville, 1993. P. 16.

²⁴ Ibid.

²⁵ Барон С. Эпоха крестовых походов// Германский хасидизм. // Академическая книга онлайн. Открытый университет Израиля. URL: <http://online-books.openu.ac.il/russian/german-hasidism/appendix/app2.html> (дата обращения: 11.04.2020).

²⁶ Tolan J. V. *Petrus Alphonsi and His Medieval Readers*. Gainesville, 1993. P. 18.

²⁷ Долгополов В. Г. «Не ради спора, но ради наставления в католической вере». Формы и задачи полемики против иудеев на латинском Западе (XII–XV вв.) // *Vox medii aevi*. 2019. С. 51.

²⁸ Там же. С. 52.

²⁹ Tolan J. V. *Petrus Alphonsi and His Medieval Readers*. Gainesville, 1993. P. 16.

³⁰ Вопрос связан с различием школ в иудаизме. Спор внутри иудаизма возникает вокруг Талмуда (устной Торы) и его толкования. В IX веке значительная часть иудеев приняла верность устной Торы (раббаниты), в то время как остальная часть считала, что жить необходимо исключительно по заповедям Танаха (кораимы).

³¹ Ibid.

³² Tolan J. V. *Petrus Alphonsi and His Medieval Readers*. Gainesville, 1993.

«искусства» грамматике и дополняя этот перечень физикой (т.е. науками о природе Ибн Хасдая) и медициной. Главную роль в своем перечне искусств он отводит астрономии³³.

Кроме того, Петр использует новые для латинского читателя сочинения. Какими книгами располагали ученые Аль-Андалуса? Известно, что Ибн Хасдай был знаком с трактатами Аристотеля «О небе» и «Физика». Более полное представление о круге чтения интеллектуала Аль-Андалуса дает библиотека Юсуфа аль-Мутамида, эмира Сарагосы (1081–1085) и автора «Книги совершенства и оптических проявлений». Библиотека аль-Мутамида включала греческие и арабские тексты: от сочинений Евклида и Аполлония до трудов Ибн аль-Хайсана и Ибн Сины³⁴. По крайней мере часть этих работ была доступна интеллектуалам Верхней Марки.

«Библиотека» Петра, о которой мы можем судить по цитатам в «Диалоге» и других текстах, кажется довольно приличной и на фоне книгохранилища аль-Мутамида. Она включала зидж аль Хорезми, «Книгу верований и мнений» Саади Гаона, «О различии души и духа» Кусты ибн Лукки, «О градусах» аль-Кинди, «Об элементах и небесных орбитах» Псевдо-Масаллы, «De elementis» Псевдо-Аристотеля и главный источник его обвинений в адрес иудеев – Вавилонский Талмуд. Знания, почерпнутые им из этих книг, он противопоставляет старой латинской учености, которую для него олицетворяет Макробий³⁵. В «Диалоге» Петр критикует систему климатов, представленную в «Комментарии на сон Сципиона»³⁶.

Стремление Петра представить обновленную систему знания, расширенную как тематически, так и за счет новых текстов, неслучайно. Мы предлагаем рассмотреть его в контексте теории капиталов П. Бурдьё³⁷. Обстоятельства крещения Петра, в котором участвовали высокопоставленные особы – король Арагона Альфонсо I и епископ Уэски Стефан³⁸ – туманны, однако можно предположить, что они были заинтересованы в услугах образованного неопита, в том числе для обращения его бывших единоверцев. Исследователи³⁹ не исключают связь Петра с бенедиктинцами. Они могли помочь полемисту наладить связи со светскими правителями (есть косвенные указания на то, что Петр был врачом английского короля Генриха I). Бенедиктинцы могли стать инициаторами распространения «Диалога» – первые рукописи *opus magnum* Петра распространялись по бенедиктинским монастырям, к тому же важных для английских монархов (Фекан и Рединг). Тяга Петра к преподаванию также нашла свое применение через эти каналы – его учеником стал приор бенедиктинской обители Грейт-Малверн Гвальхерий (Уолчер); с попытками найти учеников на континенте связывают и «Письмо к перипатетикам».

Теория капиталов, разработанная П. Бурдьё в 1980 г., в последнее время широко используется в социальных науках. В медиевистике данная теория ищет своего применения⁴⁰, поэтому любопытны в этой связи примеры людей, которые меняют свою веру – фундаментальную основу социальной жизни во всякой средневековой цивилизации – и тем самым отказываются от своего социального капитала, попутно, вместе с религией, приобретая новый капитал. Хорошим примером, как кажется, будет Петр Альфонси, иудей, обратившийся в христианство. Мы отдаем себе отчет в том, что скудные сведения о Петре, которые есть в нашем распоряжении, несопоставимы с ма ссивами данных, с которыми работают социологи – и даже с той информацией, которые предоставляют порой позднесредневековые архивные документы. Однако такой способ кажется нам хорошим инструментом для систематизации биографических данных. Ниже мы попытаемся

³³ Воскобойников О. С. Два голоса в пользу наук о небе в XII веке // Многоликая софистика: нелегитимная аргументация в интеллектуальной культуре Европы Средних веков и раннего Нового времени / отв. ред. П. В. Соколов. М., 2015. С. 453–472.

³⁴ Lomba Fuentes J. La ciencia musulmana y judía en el valle del Ebro medieval // Aragón en la Edad Media. Zaragoza, 1977. Vol. 16. P. 477–492.

³⁵ Воскобойников О. С. Два голоса в пользу наук о небе в XII веке // Многоликая софистика: нелегитимная аргументация в интеллектуальной культуре Европы Средних веков и раннего Нового времени / отв. ред. П. В. Соколов. М., 2015. С. 453–472.

³⁶ Petrus Alphonsi. Dialogi cum Moysi Judaeo // Patrologiae Cursus Completus. Series Latina / acc. J.-P. Migne. Parisiis, 1854. T. 157. Col. 535–672.

³⁷ Бурдьё П. Формы капитала // Экономическая социология. 2005. Т. 6. № 3. С. 60–74.

³⁸ Petrus Alphonsi. Dialogi cum Moysi Judaeo // Patrologiae Cursus Completus. Series Latina / acc. J.-P. Migne. Parisiis, 1854. T. 157. Col. 535–672.

³⁹ Santi F. Pietro Alfonso E Anselmo di Canterbury // Petrus Alfonsi and his Dialogus: Background, Context, Reception. Firenze, 2014 / ed. by C. Cardelle de Hartmann, Ph. Roelli. P. 13–41.

⁴⁰ Исследований, посвященных применению теории капиталов для средневековых сюжетов, не так много; в основном они посвящены позднему Средневековью, с его куда более обширными архивными фондами. Jezierski W. Forms of Social Capital in the European Middle Ages: Angels, Papal Legates, and the Scandinavian Aristocratic Elites, 12th–13th Centuries // Cergu's Working Paper Serie. 2017. Vol. 17. Is. 1. P. 1–18.

проанализировать реконструированный нашими предшественниками жизненный путь⁴¹ Петра с помощью теории капиталов. Простое вычленение данных и их классификация кажется нам неподходящим примером применения этой теории. Для начала мы изложим ключевые понятия теории капиталов, а затем попытаемся еще раз проследить биографию Петра.

Социологи выделяют несколько видов капиталов; все они обладают сходным набором аспектов и функций. Различают экономический капитал (т.е. капитал в первоначальном значении), физический (способность к труду), социальный (набор социальных связей некоего агента или актора), культурный (инструмент социализации человека), человеческий (часто смешиваемый с интеллектуальным), политический (способность к мобилизации неких социальных сил), административный (положение в государственной иерархии) и, наконец, символический (способность к производству мнений). У каждого из этих капиталов есть три состояния: инкорпорированное (заключенное в самом человеке – его знания и связи), объективированное (недвижимость или, например, книги) и институционализированное (принимаящее форму документов или, например, чиновничьих рангов). Каждый из видов капитала отличается своим собственным способом измерения, передачи и соответствующей ему стратификационной системой (эти аспекты интересуют нас в меньшей степени), а также – и это куда более важно – конвертируемостью в другие виды капитала и ликвидностью (т.е. релевантностью для той иной аудитории). Мы сконцентрируемся на нескольких видах капитала, прежде всего, культурном, социальном и человеческом (интеллектуальном).

Обратимся к биографии Петра. В настоящей статье мы сделаем несколько самых общих допущений, касающихся ее деталей. Автор «Диалога» родился в Аль-Андалусе в еврейской семье, которая и дала ему самый первый социальный капитал. Очевидно, что эта семья обладала неким экономическими (а значит, и социальным капиталом), коль скоро смогла обеспечить его образование и карьеру: мы не можем полностью исключать, что Петр все-таки занимал пост раввина – хотя все указания на него бывшего рабби Моисея относятся уже к XIII в. Сам Петр устами Моисея описывает, как тот проповедовал в синагогах. Школа, где бы она не находилась (напомним, вопрос о месте рождения и образования Петра не решен: он мог родиться и учиться как на юге Аль-Андалуса, так и в Верхней Марке), так или иначе дала ему возможность прикоснуться к арабской учености⁴², обрести интеллектуальный капитал. Сведения, которые Петр приводит в «Диалоге», скорее всего, неполны: там упоминается, скорее уроки по толкованию Библии; там же содержится намек, что Петр и сам был учителем, причем не дисциплин квадривиума, преподавателем которых он пытался стать в дальнейшем, а именно экзегезы⁴³. Исключать, что Петр был гениальным самоучкой, по своей воле освоивший арабский язык (кстати, еще одна важное воплощение капитала – как интеллектуального, так и социального и культурного) и арабскую ученость, однако, скорее всего, какое-то «философское» образование (вероятно, в мусульманской школе) он получил – ибо был «вращен в колыбели философии и вскормлен ее сосцами»⁴⁴.

Этот капитал – в его объективированной и инкорпорированной форме⁴⁵ – мы подробно рассмотрели в прошлой главе. Обретение этого капитала имело, как кажется, два следствия: во-первых, если мы верим в искренность мотивов Петра, заставило его усомниться в истинности иудаизма. Во-вторых, открывало значительные возможности, которыми он захотел воспользоваться. Петр пересказывает реплики своих единоверцев, которые напрямую упрекали его после обращения, с одной стороны, в некомпетентности как экзегета (т.е. лишеного того интеллектуального капитала, который бы и предоставляла еврейская школа), с другой – в корыстолюбии.

И когда стало известно иудеям — которые прежде меня знали и считали сведущим в книгах пророков и сочинениях учителей и немного знающим свободные искусства, — что я принял закон и веру христиан и стал одним из них, некоторые из них предположили, что я сделал это лишь потому, что отбросил всякую скромность, презрел Бога и закон. Другие говорили, что сделал я это потому, что понимал слова пророков и

⁴¹ Santi F. Pietro Alfonso E Anselmo di Canterbury// Petrus Alfonsi and his Dialogus: Background, Context, Reception. Firenze, 2014/ ed. by C. Cardelle de Hartmann, Ph. Roelli. Firenze, 2014. P. 13–41.

⁴² Для дальнейшей работы с «Диалогом» изучение «библиотеки» Петра представляется довольно перспективным направлением, если попытаться сопоставить этот набор книг с учебной программой или инструментарием другого интеллектуала – арабского или еврейского.

⁴³ «Ибо когда-то я хорошо знал, что в писаниях пророков ты силе, как и в речениях наших учителей, и с детства для всех твоих ровесников ты был рассказчиком закона, а если кто-то выступал против [закона], то ты выставлял против него щит защиты; что ты проповедовал иудеям в синагогах, чтобы они никогда не отклонялись от своей веры, учил знающих и подвигал уже ученых к большему»

⁴⁴ Это слова Петра произносит в адрес Моисея, но мы должны помнить, что Петр и Моисей – это один человек.

⁴⁵ Институционализированной формой такого капитала могло бы быть указание конкретных авторов в «Диалоге» - те же авторитеты, ссылки на которых так любили новые единоверцы Петра. Впрочем, он мог счесть этот способ аргументации неактуальным, а потому нерелевантным для его латинской аудитории.

закона не так, как следует. Третьи приписывали это пустой славе и клеветали, что я сделал это из-за мирских почестей, потому что я увидел, что народ христиан превосходит все остальные народы.

Критика Петра бывшими единоверцами свидетельствует о том, что свой прежний социальный капитал он утратил. его новым культурным капиталом, способом интегрироваться в христианское общество стало крещение в его социальном аспекте (*social conversion*)⁴⁶. Этот акт также вполне подлежит рассмотрению в русле теории капиталов. Если мы верим Петру на слово⁴⁷ то обретенный им за несколько лет социальный капитал поражает. Напомним, его крестным отцом стал Альфонсо I Воитель; Ф. Санти, не исключает, что Петр мог занимать и некую придворную должность⁴⁸. Полемист, естественно, артикулирует близкую связь со своим патроном, подчеркивая, что свое второе имя он получил от него.

*Был же отцом моим крестным Альфонс, славный император Испании, который воспринял меня от святого источника. Приставив его имя к моему, упомянутому выше, я взял себе имя Петр Альфонси*⁴⁹.

Кроме того, Петр достаточно близок к епископу Уэски Стефану, приближенному Альфонсо Воителя, так как тот, в свою очередь, крестил Петра, что также указывается в источнике: «Крестился в кафедральном соборе города Уэски, во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, очищенный руками Стефана, славного и также законного епископа этого города»⁵⁰. Некоторые исследователи считают, что именно благодаря Стефану Петр мог познакомиться с христианством – катехизацией Петра, вероятно, мог руководить сам Стефан⁵¹. Петр, судя по всему, очень дорожил связями с титул императора, указываемый здесь Петром Альфонси, скорее следует относить не ко времени крещения автора текста⁵², а ко времени написания «Диалога», поскольку титул «император Испании» Альфонсо I мог носить только в 1109–1116 годах⁵³, в то время как время создания «Диалога» – 1108–1110 годы. Приставка к имени *Alfonsi*, созвучная с именем самого императора, также может указывать на их связь. Отмечается, что, подчеркивая императорский статус Альфонсо I, Петр использует «Диалог» в том числе и как своеобразный политический манифест: его императорский титул оспаривался разными группировками в христианских государствах Пиренеев⁵⁴.

Автор «Диалога», носящий имя императора, как бы воплощает его авторитет, несет частицу символического капитала монарха, которым можно щегольнуть перед читателем, подтвердив собственное благородное происхождение. При этом совершенно неважно, был ли Петр действительно крестником Альфонсо или же просто бывал в Уэске и знал имена арагонского короля и тамошнего епископа. У нас нет документальных свидетельств, подтверждающих это крещение, но, наверно, считать Петра априори самозванцем в корне неверно. Тут интереснее сам механизм обретения такого капитала. Автор «Диалога» носит еще одно имя – Петр, которое тоже несет функцию социального капитала и проливает свет на то, как он мог оказаться при дворе. Ф. Санти указывает, что апостол Петр считался покровителем бенедиктинцев, и именно поэтому имя Петра тоже становится своеобразным символическим капиталом. Ключницы поддерживали довольно тесные связи как с арагонской, так и кастильской знатью (они играли ключевую роль в переговорах

⁴⁶ Р. Шпех рассматривает обращение в иную религию (*conversion*) на трех различных уровнях: *formal conversion* – признание самим обращающимся факта крещения, *factual conversion* – момент крещения, и *social conversion* – изменение имени и интеграция в христианское сообщество. Свидетельство о формальном и фактическом обращении автора мы находим в прологе «Диалога», в то время как уровень социального обращения мы можем проследить лишь на основании реконструируемой биографии Петра. Szpiech R. Op. cit. 2013. P. 10.

⁴⁷ Р. Шпех, которого мы цитировали выше скептически относится к такого рода « историкографическому чтению» полемических работ, предлагая читать их как своеобразную смесь агиографии и ересиологии (раз речь идет о полемике) и прежде всего авторским конструктом, предлагая смотреть не сквозь «витражное стекло» таких текстов, а не него. Мы отчасти следуем этому подходу, анализируя компоненты таких текстов. Но полностью игнорировать упоминание в тексте высокопоставленных персон все же нельзя.

⁴⁸ Santi F. Pietro Alfonso E Anselmo di Canterbury// *Petrus Alfonsi and his Dialogus: Background, Context, Reception*. Firenze, 2014/ ed. by C. Cardelle de Hartmann, Ph. Roelli. Firenze, 2014. P. 13–41.

⁴⁹ PL. 157. Col.538A.

⁵⁰ “...et baptizatus in sede Oscensis civitatis, in nomine Patris, et Filii, et Spiritus sancti, purificatus manibus Stephani gloriosi et legitimi ejusdem civitatis episcopi.” PL. 157. Col. 537B.

⁵¹ Согласно другой версии, Петр мог познакомиться с латинской теологией в библиотеке дворца Альхаферии в Сарагосе, что также в немалой степени вероятно. См. в: Santi F. Pietro Alfonso E Anselmo di Canterbury// *Petrus Alfonsi and his Dialogus: Background, Context, Reception*. Firenze, 2014/ ed. by C. Cardelle de Hartmann, Ph. Roelli. Firenze, 2014. P. 13–41.

⁵² Единственная точная дата, которая известна нам из «Диалога» - дата крещения Петра: Это произошло в тысяча сто шестом году от рождения Господа в месяце июле, в день святых Петра и Павла»). PL. 157. Col.537C.

⁵³ Santi F. Pietro Alfonso E Anselmo di Canterbury// *Petrus Alfonsi and his Dialogus: Background, Context, Reception*. Firenze, 2014/ ed. by C. Cardelle de Hartmann, Ph. Roelli. Firenze, 2014. P. 13–41.

⁵⁴ Ibid.

Альфонсо I и Урраки во время междоусобных войн) во время аббатства Понса Мельгейльского (аббат в 1109–1122 гг.), который, будучи преемником Гуго Семурского, продолжал его политику, включавшую посредничество между папой и светскими властями в споре за инвеституру (о меняющейся позиции Ключни, ранее проводившего заведомо проримскую политику, мы писали в первой главе). В этой связи кажутся не столь уж обосновательными слова И. Бэра, заявившего, что «эти фанатики (ключни) обратили Петра»⁵⁵ – с той лишь поправкой, что Петр, кажется, и сам был рад обратиться. Вероятно, что свой новый социальный капитал автор «Диалога» обрел еще до крещения; ключницев очевидно привлекала перспектива обращения раввина (мы ранее не исключили, что она занимал этот пост), к тому же с богатым интеллектуальным бэкграундом. Ключниские клирики, возможно, также не чуждые к ученым могли осознавать потенциал использования нового материала в полемике и найти в нем брата по духу, также ненавидящего все иррациональное, с которым, в соответствии с концепцией А.С. Абулафии, начинают ассоциироваться иудеи.

Ф. Санти считает неслучайным, что итинерарий Петра, его поездки в Англию совпадают с маршрутами экспансии в Северную Францию и Англию⁵⁶. Так, начиная с XII века ключниские монашеские общины появляются в Англии. Аббатство Рединг – один из первых монастырей конгрегации на острове, а также усыпальница королей Нормандской династии. Генрих I Боклерк, английский король в 1110-1135 гг. «сам предпринял переговоры с конгрегацией об основании монастыря по ключнискому уставу»⁵⁷. Видимо, неслучайным Связь Петра Альфонси с ключниками, установившаяся еще на территории Пиренеев, возможно, приближает его ко двору английского короля в 1110-е годы: есть поздние сведения о том, что он был лейб-медиком Генриха. Санти практически считает Петра посланником Ключни в Англии; в его концепции ему отведена роль критика слишком мягкой «островной» полемики в лице Гилберта Криспина, во многом отражающего взгляды папистских кругов, к которым принадлежали Гилберт и Ансельм Кентерберийский⁵⁸. Ключницы могли способствовать обретению Петром символического капитала: тот же Санти указывает, что первые рукописи «Диалога» сохранились в двух бенедиктинских аббатствах: упомянутом нами Рединге и нормандском Фекане⁵⁹.

Вернемся к крещению Петра. До XII века подавляющее большинство обращений проходило по модели, которую устанавливает в IV-V веке Августин Блаженный. Имела место практика написания *conversion narrative* не как эго-документа и не специальной полемики, а как агиографии. Проводилась параллель между тем, что описывали выкресты или же мусульманские прозелиты, и житийными моделями⁶⁰. Однако с XII века ситуация меняется, появляется большое количество авторитетов, поэтому авторы в прологи к своим сочинениям начинают вкладывать детальное обоснование выбора веры и доказательство истинности ее принятия. Именно прологи к трактатам, зачастую полемическим, стали создаваться как нарративы об обращении и были призваны обеспечить аутентичность, истинность этого обращения. Прологи включают личные свидетельства об обращении, биографии автора, а также его намерения⁶¹. Подобный нарратив создается как попытка обосновать свой «авторитет» с целью получить власть «говорить» – то есть обосновать свою позицию полемиста в качестве той, которой можно верить, так как все ее мотивы исходят из истинности веры в христианство и из чистоты помыслов. В случае Петра Альфонси такого рода свидетельствами истинности того (как и истинности его крещения), что говорит автор служат несколько характерных его черт: это и высокопоставленные свидетели-участники его крещения, и повторение им статей символа веры, и даже использование «арабского» зачина для начала своих сочинений («сказал Петр Альфонси – мы упоминали об этом в обзоре источника). Таким образом, сам текст «Диалога», его пролог служит в известной степени «сертификатом», документом, подтверждающим

⁵⁵ Baer Y. A History of The Jews in Christian Spain. Vol. I. Skokie, 2001. P. 59.

⁵⁶ Ibid.

⁵⁷ Зайцева Е.В. Аббатство Рединг и Ключни: особенности взаимоотношений в XII в. (по материалам Картулярия аббатства Рединг) // Вестник СамГУ. 2009. №7 (73). С. 157-161.

⁵⁸ Santi F. Pietro Alfonso E Anselmo di Canterbury// Petrus Alfonsi and his Dialogus: Background, Context, Reception. Firenze, 2014/ ed. by C. Cardelle de Hartmann, Ph. Roelli. Firenze, 2014. P. 13–41.

⁵⁹ Живая и привлекательная реконструкция Ф. Санти все нуждается в корректировке. Из нее следует, что Петр, скорее всего, писал текст в Англии – иначе как он мог быть знакомым с трудами Гилберта Криспина, на тот момент еще не столь распространенными? Но это факт противоречит тому, что Петр, называя Альфонсо I императором, создает политический манифест, который был минимально интересен английским читателям. Сюда добавляется и летоисчисление по «испанской эре» (см. главу 1), которое использует Петр. Кроме того, английские монархи того времени не проявляли никакого интереса к полемике, а напротив, выступают их последовательными покровителями. Мы надеемся решить этот вопрос в дальнейших исследованиях.

⁶⁰ Szpiech R. Conversion and Narrative: Reading and Religious Authority in Medieval Polemic. Philadelphia: Pennsylvania University Press, 2013. P. 62.

⁶¹ Там же.

его право говорить, т.е. символическим капиталом⁶². Его в равной степени формируют и использование (пусть и без указаний) имен ссылок на ученую традицию, которую подтверждают его познания в натурфилософии. Сам факт обращения в христианство дает Петру немало возможностей. Всю структурную основу социального капитала Петра Альфонси формируют сети социальных связей⁶³. Они работают как механизм обмена ресурсами различного вида, дачи и приобретения репутаций, транслирования и обмена информацией. Полемист использует сети данных социальных связей для осуществления своих стремлений реализовать себя как учителя, полемиста и, возможно, в какой-то степени политического актора. Этот социальный капитал не может находиться вне сообщества, он неотчуждаем от людей, которые им обладают⁶⁴.

Как мы говорили выше, став христианином, Петр пытался преподавать астрономию. За несколько лет до написания «Диалога» Петр обращается с целью «саморекламы» (выражение В. Дрекса) с открытым письмом к французским ученым, называя их перипатетиками⁶⁵. Эта же самореклама читается между строк и в прологе сочинения Петра: автор хотел себя представить в качестве сведущего мужа, учителя и наставника для многих образованных христиан.

Оказавшись в Англии, Петр находит себе ученика – Уолчера (Гвалхерия, Гоше – он происходил из Лотарингии) Малвернского, который был вторым приором обители Грейт-Малверн в Вустершире. Уолчер позиционирует и как астроном. Именно Уолчер становится важной переходной фигурой, так как его труды отразили трансформацию астрономического знания на Латинском Западе от традиционного фокуса на вычислении дат в церковном календаре и изучения зачатков римской астрономии к использованию древних астрономических вычислительных методов, полученных из Зиджа и других исламских источников. При составлении «*Sententia de Dracone*⁶⁶» (1116 г.), ставшего, судя по всему, плодом совместной работы Уолчера и Петра Альфонси, используются материалы «Диалога», «Зиджа», а также «Учительной книги клирика», на что указывает одинаковая терминология этих сочинений. Кроме того, лексика и стиль схожи с аутентичными работами Петра Альфонси, а сама первая часть сочинения «*De Dracone*» составлена в формате диалога Уолчера и его учителя⁶⁷.

Также не исключено, что Аделард из Бата (1080-1152 гг.), английский натурфилософ и переводчик, также был учеником Петра Альфонси. Несмотря на то, что стиль его работ сильно отличается от работ Петра Альфонси и Уолчера, Ч. Бернетт допускает, что Петр Альфонси мог участвовать в новом переводе астрономических таблиц аль-Хорезми, который, как уже писали выше, перевел и сам Петр⁶⁸. Как мы видим, Петру, возможно, все-таки удалось частично интегрироваться в зарождающуюся ученую традицию латинского Запада.

Как указывает В.В. Радаев, «символический капитал – способность человека к производству мнений, в инкорпорированном состоянии обозначающий наличие легитимной компетенции (признаваемого права интерпретировать смысл происходящего)»⁶⁹.

Действительно, Петр Альфонси транслирует через «Диалог» свой потенциал как полемика авторитета, критериями которого выступают обоснование выбора веры через пролог, аутентичность, а также внутренняя ценность текста самого по себе⁷⁰. Петр и Моисей в «Диалоге» выстраивают общую для христиан и иудеев систему ценностей, так как оговаривают, что используют общий текст Писания. Через критику Талмуда, который по Петру не имеет внутренней ценности, Петр доказывает иудеям ценность и истинность христианской

⁶² Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация. // Экономическая социология. М. Т.3 № 4, 2002. С. 20-32.

⁶³ Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация. // Экономическая социология. М. Т.3 № 4, 2002. С. 20-32.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Воскобойников О. С. Два голоса в пользу наук о небе в XII веке // Многоликая софистика: нелегитимная аргументация в интеллектуальной культуре Европы Средних веков и раннего Нового времени / отв. ред. П. В. Соколов. Москва, 2015. С. 458.

⁶⁶ Draco – в арабской традиции Jawzahar – узлы луны (точки пересечения орбиты Луны с эклипкой, восходящий узел – голова дракона, нисходящий – хвост). Солнечные и лунные затмения могут происходить только когда Луна находится в одном из узлов своей орбиты).

⁶⁷ Burnett Ch. The Works of Petrus Alfonsi: Questions of Authenticity // *Medium Ævum*. 1997. Vol. 66, № 1. P. 45.

⁶⁸ *Ibid.* P. 47.

⁶⁹ Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация. // Экономическая социология. М. Т.3 № 4, 2002. С. 20-32.

⁷⁰ Szpiech R. Conversion and Narrative: Reading and Religious Authority in Medieval Polemic. Philadelphia: Pennsylvania University Press, 2013. P. 78.

веры. Талмуд он использует в качестве подтверждения внутренней слепоты иудаизма⁷¹. В уста Моисея автор вкладывает указания на то, что Петр имеет достаточно большой опыт в полемике, а также все необходимые знания, как богословские, так и естественнонаучные, для признания Петра как авторитета в полемике. Кроме того, в самом тексте «Диалога» Петр обосновывает свое обращение в христианство своим безусловным поиском философской истины, начавшимся еще до крещения.

С крещением Петра Альфонси социальная составляющая, то есть его успешное вхождение в социальную структуру христианского сообщества, торжествует за счет его индивидуальности⁷². Свою новую роль Петр Альфонси идентифицирует исключительно посредством исповедания догм христианства в их «современном» схоластическом изложении. Петр рассматривает обращение как путь карьеры⁷³, который приведет его к признанию его мнения авторитетным в полемике, а также реализует его ученый потенциал как учителя.

Во что в конечном счете Петру удалось конвертировать свой культурный и социальный капитал? Нам неизвестно, умер ли он при дворе короля или в нищете. Славы ученого он также не снискал – зидж в его переводе сохранился лишь в двух рукописях. Но мы можем достоверно сказать, что замысел Петра Альфонси в «Диалоге» – представить христианским читателям новое «оружие» против иудеев – воплотился в жизнь. Петр стал полемическим авторитетом, *auctoritas*, о чем свидетельствует необычайная популярность этого текста: сохранилось 69 только полных рукописей «Диалога». Случай Петра – довольно хороший пример конвертации культурного и социального капитала в капитал символический – безусловно, самый важный для средневекового автора. Обеспечить себе такую – безусловно, довольно сомнительную – славу Петр, как кажется, смог за счет своей «библиотеки», предоставив своим читателям беспрецедентный по тем временам арсенал для полемики с иудеями.

Список источников и литературы

I. Источники

1. Petrus Alphonsi. Dialogi cum Moysi Judaeo // Patrologiae Cursus Completus. Series Latina / acc. J.-P. Migne. Parisiis, 1854. T. 157. Col. 535–672.

II. Литература

1. Van der Waerden B. L. The Earliest Form of the Epicycle Theory, *Journal of the History of Astronomy*. Zurich, 1974. Vol. 5. PP. 175–185.
1. Райт Дж. К. Географические представления в эпоху крестовых походов. М., 1988.
2. Tolan J. V. *Petrus Alphonsi and His Medieval Readers*. Gainesville, 1993.
3. Рамазанова С. А. Средневековые астрономические методы определения географических координат в странах Ближнего и Среднего Востока. Электронный ресурс: [http://www.astro-cabinet.ru/library/IAI_23/IAI_Ogl.htm]
4. Frank M. R. *Creation and The Cosmic System: Al-Ghazali and Avicenna*. Heidelberg, 1992.
5. Саадья Гаон. Книга верований и мнений / Пер. Х.-Б. Корзаковой. М., 2016. С. 30–34. Об истоках этой классификации см.: Efron I. Saadia's Theory of Knowledge // *The Jewish Quarterly Review*. 1942. Vol. 33, № 2. P. 133–170.
6. Воскобойников О. С. Два голоса в пользу наук о небе в XII веке // *Многоликая софистика: нелегитимная аргументация в интеллектуальной культуре Европы Средних веков и раннего Нового времени* / отв. ред. П. В. Соколов. Москва: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2015. С. 453–472.
7. Долгополов В. Г. «Не ради спора, но ради наставления в католической вере». Формы и задачи полемики против иудеев на латинском Западе (XII–XV вв.) // *Vox medii aevi*. 2019. С. 49–53.
8. Бурдые П. Формы капитала // *Экономическая социология*. 2005. № 6. С. 60–74.
9. Szpiech R. *Conversion and Narrative: Reading and Religious Authority in Medieval Polemic*. Philadelphia, 2013.
10. Drews W. *Intellektuelles Kapital und sein praktischer Nutzen bei Petrus Alfonsi* // *Petrus Alfonsi and His Dialogus: Background, Context, Reception* / ed. by C. Cardelle de Hartmann, Ph. Roelli Firenze, 2014. P. 43–58.
11. Burnett Ch. *The Works of Petrus Alfonsi: Questions of Authenticity* // *Medium Aevum*. 1997. Vol. 66. № 1. P. 42–79.

⁷¹ Szpiech R. *Conversion and Narrative: Reading and Religious Authority in Medieval Polemic*. Philadelphia: Pennsylvania University Press, 2013. P. 78.

⁷² Szpiech R. *Conversion and Narrative: Reading and Religious Authority in Medieval Polemic*. Philadelphia: Pennsylvania University Press, 2013. P. 10.

⁷³ Drews W. *Intellektuelles Kapital und sein praktischer Nutzen bei Petrus Alfonsi* // *Petrus Alfonsi and His Dialogus: Background, Context, Reception* / ed. by C. Cardelle de Hartmann, Ph. Roelli Firenze, 2014. P. 43–58.

12. Koningsveld P.S. Christian-arabic manuscripts from the Iberian Peninsula and North Africa: A historical interpretation // *Van Al-Qantara*, 1994. Vol. 15. № 2. P. 423-450.
13. Petrus Alfonsi and His Dialogus: Background, Context, Reception / ed. by C. Cardelle de Hartmann, Ph. Roelli. Firenze, 2014.
14. Mieth K.-P. Der Dialog des Petrus Alfonsi: seine Überlieferung im Druck und in den Handschriften, Textedition. Diss. Berlin 1982; Petrus Alfonsi. Dialogus / hrsg. von C. Cardelle de Hartmann, D. Senekovic, Th. Ziegler. Firenze, 2019
15. Pedro Alfonso de Huesca. Diálogo contra los judíos / introd. de J. Tolan, trad. de E. Ducay, coord. de M. J. Lacarra. Huesca, 1996; Petrus Alfonsi. Dialogue against the Jews / trans. I. M. Resnick. Washington, 2006.
16. Amador de los Ríos J. Historia social, política y religiosa de los Judíos de España y Portugal. 3vols. Madrid, 1875–1876.
17. Loeb I. Controverse religieuse entre les chrétiens et les juifs au Moyen Age en France et en Espagne // *Revue de l'histoire des religions*. 1888. Vol. 18. P. 156.
18. Mieth K.-P. Der Dialog des Petrus Alfonsi: seine Überlieferung im Druck und in den Handschriften Textedition / Inaug. diss.: Freien Universität Berlin, 1981.
19. Lacarra Ducay M. J. Pedro Alfonso. Zaragoza, 1991.
20. Estudios sobre Pedro Alfonso de Huesca / coord. por M. J. Lacarra Ducay. Huesca, 1996.
21. Abulafia A. S. Christians and Jews in the Twelfth-Century Renaissance. London, 1995.
22. Santi F. Pietro Alfonso E Anselmo di Canterbury// Petrus Alfonsi and his Dialogus: Background, Context, Reception. Firenze, 2014/ ed. by C. Cardelle de Hartmann, Ph. Roelli. Firenze, 2014. 13-41.
23. Чернина Л. В. Инструментарий ранней схоластики: пример Петра Альфонси // *Кентавр/Centaurus: studia classica et mediaevalia*. 2004. Вып. 1. С. 161–178.
24. Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация// *Экономическая социология*. 2002. Т. 3, № 4. С. 20–33.
25. Ле Гофф Ж. Другое Средневековье: Время, труд и культура Запада / Пер. с франц. С. В. Чистяковой и Н. В. Шевченко под ред. В. А. Бабинцева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000.
26. Альтамира-и-Кревеа Р. История Средневековой Испании / Перевод с испанского Е. А. Вадковской и О. М. Гармсен. СПб, 2003.
27. Ávila M.L., Luis Molina L. La Marca Superior de al-Andalus en el siglo VIII: El asceta Ibn al-Mugallis y los Vanū Salama // *Homenaje al profesor Jose Maria Forneas Besreiro*. Granada, 1994. Vol. 11, P. 703-709.
28. Lomba Fuentes J. El perfil del intelectual en el Aragón musulmán y judío// *Aragón en la Edad Media*. Zaragoza, 2008. Vol. 20. P.
29. Ведюшкин В.А., Попова А. Г. История Испании. Т.1. С древнейших времен до конца XVIII века. М.: «, 2012.
30. Барон С. Эпоха крестовых походов// *Германский хасидизм*. // Академическая книга онлайн. Открытый университет Израиля. URL: <http://online-books.openu.ac.il/russian/german-hasidism/appendix/app2.html> (дата обращения: 11.04.2020).
31. Зайцева Е.В. Аббатство Рединг и Клюни: особенности взаимоотношений в XII в. (по материалам Каргулярия аббатства Рединг) // *Вестник СамГУ*. 2009. №7 (73). С. 157-161.
32. Baer Y. A History of The Jews in Christian Spain. Vol. I. Skokie, 2001. P. 59.
33. Jezierski W. Forms of Social Capital in the European Middle Ages: Angels, Papal Legates, and the Scandinavian Aristocratic Elites, 12th-13th Centuries // *Cergu's Working Paper Serie*. 2017. Vol. 17. Is. 1. P. 1–18.

References

I. Sources

1. Petrus Alphonsi. Dialogi cum Moysi Judaeo // *Patrologiae Cursus Completus. Series Latina* / acc. J.-P. Migne. Parisiis, 1854. T. 157. Col. 535–672.

II. Literature

2. Van der Waerden B. L. The Earliest Form of the Epicyle Theory, *Journal of the History of Astronomy*. Zurich, 1974. Vol. 5. PP. 175-185.

3. Rayt Dzh. K. Geograficheskiye predstavleniya v epokhu krestovoykh pokhodov. M., 1988.

4. Tolan J. V. Petrus Alphonsi and His Medieval Readers. Gainesville, 1993.

5. Ramazanova S. A. Srednevekovyye astronomicheskiye metody opredeleniya geograficheskikh koordinat v stranakh Blizhnego i Srednego Vostoka. Electronic resource: [http://www.astro-cabinet.ru/library/IAI_23/Iai_Ogl.htm]

6. Frank M. R. Creation and The Cosmic System: Al-Ghazali and Avicenna. Heidelberg, 1992.

7. Саадья Гаон. Книга верований и мнений / Пер. Х.-Б. Корзаковой. М., 2016. С. 30–34. Об истоках этой классификации см.: Efros I. Saadia's Theory of Knowledge // *The Jewish Quarterly Review*. 1942. Vol. 33, № 2. P. 133–170.

8. Voskoboinikov O.S. Two voices in favor of the sky sciences in the XII century // *Mnogolikaya sofistika: nelegitimnaya argumentatsiya v intellektual'noy kul'ture Yevropy Srednikh vekov i rannego Novogo vremeni* / otv. red. P. V. Sokolov. Moskva: Izdatel'skiy dom NIU VSHE, 2015. pp. 453–472.
9. Dolgopopov V. G. "Not for the sake of a dispute, but for the sake of instruction in the Catholic faith." Forms and tasks of polemics against Jews in the Latin West (XII-XV centuries)// *Vox mediae aevi*. 2019. pp. 49–53.
10. Bourdieu P. Forms of capital // *Экономическая социология*. 2005. № 6. pp. 60–74.
11. Szpiech R. *Conversion and Narrative: Reading and Religious Authority in Medieval Polemic*. Philadelphia, 2013.
12. Drews W. *Intellektuelles Kapital und sein praktischer Nutzen bei Petrus Alfonsi* // *Petrus Alfonsi and His Dialogus: Background, Context, Reception* / ed. by C. Cardelle de Hartmann, Ph. Roelli Firenze, 2014. P. 43–58.
13. Burnett Ch. *The Works of Petrus Alfonsi: Questions of Authenticity* // *Medium Aevum*. 1997. Vol. 66. № 1. P. 42–79.
14. Koningsveld P.S. *Christian-arabic manuscripts from the Iberian Peninsula and North Africa: A historical interpretation* // *Van Al-Qantara*, 1994. Vol. 15. № 2. P. 423-450.
15. *Petrus Alfonsi and His Dialogus: Background, Context, Reception* / ed. by C. Cardelle de Hartmann, Ph. Roelli. Firenze, 2014.
16. Mieth K.-P. *Der Dialog des Petrus Alfonsi: seine Überlieferung im Druck und in den Handschriften, Textedition*. Diss. Berlin 1982; *Petrus Alfonsi. Dialogus* / hrsg. von C. Cardelle de Hartmann, D. Senekovic, Th. Ziegler. Firenze, 2019
17. Pedro Alfonso de Huesca. *Diálogo contra los judíos* / introd. de J. Tolan, trad. de E. Ducay, coord. de M. J. Lacarra. Huesca, 1996; *Petrus Alfonsi. Dialogue against the Jews* / trans. I. M. Resnick. Washington, 2006.
18. Amador de los Ríos J. *Historia social, política y religiosa de los Judíos de España y Portugal*. 3vols. Madrid, 1875–1876.
19. Loeb I. *Controverse religieuse entre les chrétiens et les juifs au Moyen Age en France et en Espagne* // *Revue de l'histoire des religions*. 1888. Vol. 18. P. 156.
20. Mieth K.-P. *Der Dialog des Petrus Alfonsi: seine Überlieferung im Druck und in den Handschriften Textedition* / Inaug. diss.: Freien Universität Berlin, 1981.
21. Lacarra Ducay M. J. *Pedro Alfonso*. Zaragoza, 1991.
22. *Estudios sobre Pedro Alfonso de Huesca* / coord. por M. J. Lacarra Ducay. Huesca, 1996.
23. Abulafia A. S. *Christians and Jews in the Twelfth-Century Renaissance*. London, 1995.
24. Santi F. *Pietro Alfonso E Anselmo di Canterbury*// *Petrus Alfonsi and his Dialogus: Background, Context, Reception*. Firenze, 2014/ ed. by C. Cardelle de Hartmann, Ph. Roelli. Firenze, 2014. 13-41.
25. Chernina L. V. *Toolkit of early scholasticism: the example of Peter Alfonsi* // *Centaur /Centaurus: studia classica et mediaevalia*. 2004. Вып. 1. С. 161–178.
26. V. V. Radaev. *The concept of capital, forms of capital and their conversion* // *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 2002. Vol. 3, № 4. pp. 20–33.
27. Le Goff ZH. *Drugoye Srednevekov'ye: Vremya, trud i kul'tura Zapada* / Per. s frants. S. V. Chistyakovoy i N. V. Shevchenko pod red. V. A. Babintseva. Yekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2000.
28. Al'tamira-i-Krevera R. *Istoriya Srednevekovoy Ispanii* / *Perevod s ispanskogo* Ye. A. Vadkovskoy i O. M. Garmsen. SPb, 2003.
29. Ávila M.L., Luis Molina L. *La Marca Superior de al-Andalus en el siglo VIII: El asceta Ibn al-Mugallis y los Banü Salama* // *Homenaje al profesor Jose Maria Forneas Besreiro*. Granada, 1994. Vol. 11, P. 703-709.
30. Lomba Fuentes J. *El perfil del intelectual en el Aragón musulmán y judío*// *Aragón en la Edad Media*. Zaragoza, 2008. Vol. 20. P.
31. Vedyushkin V.A., Popova A. G. *Istoriya Ispanii*. Vol.1. *S drevneyshikh vremen do kontsa XVIII veka.*: «, 2012.
32. Baron S. *The era of the Crusades* // *German Hasidism*. // *Akademicheskaya kniga onlayn*. Otkrytyy universitet Izrailya. URL: <http://online-books.openu.ac.il/russian/german-hasidism/appendix/app2.html> (date of the application: 11.04.2020).
33. Zaitseva E.V. *Abbey of Reading and Cluny: Peculiarities of Relations in the XII Century (based on materials from the Cartularia of Reading Abbey)* // *Vestnik SamGU*. 2009. №7 (73). pp. 157-161.
34. Baer Y. *A History of The Jews in Christian Spain*. Vol. I. Skokie, 2001. P. 59.
- Jeziarski W. *Forms of Social Capital in the European Middle Ages: Angels, Papal Legates, and the Scandinavian Aristocratic Elites, 12th-13th Centuries* // *Cergu's Working Paper Serie*. 2017. Vol. 17. Is. 1. P. 1–18.